

Андронов Алексей Викторович

Российская национальная библиотека

УДК 81'344.34

**Е.Д.Поливанов о касимовском диалекте: возвращая
в научный обиход библиографическую редкость
(к 130-летию со дня рождения)**

*фонетика, звуковые изменения, татарский язык, диалектология,
социолингвистика, история языкознания*

Евгений Дмитриевич Поливанов (“наиболее последовательный ученик И.А.Бодуэна де Куртенэ” [Шулежкова 2005: 138]) оставил научное наследие, долженствовавшее уместиться в пяти томах его “Избранных работ” [Поливанов 1991: 592–594]. Опубликовано из них, однако, лишь два (1968, 1991). Отдельный том планировалось посвятить тюркскому языкознанию – одному из трёх основных направлений исследований учёного (наряду с японским и китайским).

Труднодоступными остаются не только рукописи Е.Д.Поливанова (рассеянные по архивам Евразии от Праги до Бишкека), но и некоторые прижизненные публикации его работ [Андронов 2019]. Такова стеклографированная брошюра “Фонетические особенности касимовского диалекта” (Москва, 1923), сохранившаяся, по-видимому, в единственном экземпляре — в Национальной библиотеке Узбекистана (шифр в Пя-12783). Публикуемый ниже “Общefonетический экскурс”, вклю-

чѐнный в эту работу (ср. [Поливанов 1991: 100–101]), лаконично отражает разнообразные стороны лингвистической концепции Поливанова: его фонологические взгляды, теорию звуковых изменений, закономерности языковых контактов, внимание к фактам речевой деятельности и материалу многих языков. Почти во всех этих аспектах прослеживается явное влияние И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Работа Е.Д.Поливанова заслуживает публикации в полном объѐме и ждѐт диалектологического и общелингвистического комментария.

Е.Д.Поливанов

***Переход заднеязычных в гамзу
с общefonетической точки зрения***

Для общей фонетики, в частности для теории звуковой эволюции, из Касимовских особенностей представляет интерес вышеописанное спонтанеическое падение *k* и других заднеязычных (переход *k, g, q, γ = ġ, x > ʔ*, а для *ŋ* – дивергенция частью в *ʔ*, частью в *n*) как совершенно оригинальное явление, мне совсем не известное в истории другого языкового семейства¹ (и из турецких известную аналогию даёт только чувашский).

---

¹ Исторические нули *k* и даже отсутствие *k* в системе характерны для некоторых аустронезийских, в частности самоанского, но в данный момент я лишѐн возможности привлечь эти факты к сравнению.

Самым близким к Касимовскому явлению стоит всё-таки китайский (и аналогичный ему финский) процесс – перехода конечного (китайского) *k* (в котором совпадают общекитайские и **k*, и **t*) в *ʔ*, напр. **mit* “мед” > *mik* > *miʔ* (откуда дальше пекинская форма с утратой *ʔ* — “ми”): здесь действительно заднеязычная смычка (заместившая уже собою всякий конечный носовой согласный) заменяется гортанной, что составляет этап в сокращении работ при стремящихся к нулю конечных согласных. Но опять-таки это (китайское) явление постигает только конечное в слоге *k*, а в Касимовском спонтанеическая ликвидация всяких и во всех позициях заднеязычных. Итак, Касимовское явление действительно исключительное.

Для понимания его нужно устранить, во-первых, допустимость исключений из закона утраты заднеязычной артикуляции в *момент его действия*. И действительно, исключений из него у определённых индивидуумов в определённом поколении (создавшем это новшество) не было: число слов с *k*, *g*, *ɣ*, *x* в современном Касимовском так незначительно, что их вполне можно отнести за счёт более позднего постороннего (казанского?) влияния. За это говорят и дублиеты вроде *tuɣɛz* при *tuʔɛz*. Я полагаю, конечно, что фонетически-обязательной недопустимость *k*, *g* и пр. была лишь недолгое время (одно поколение) и то не у всех в данном поколении, может быть, лишь у отдельных лиц, действительно *не умевших* произносить *k*, *g* и пр., но что эти лица создали моду, принятую другими (теми, кто был способен произносить эти звуки). Итак, я позволю себе смот-

реть на это явление как на социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта. Этот дефект (полное неувоение заднеязычной артикуляции, в частности смычной) наблюдается, в общем, не так редко, у детей различных наций, как переходный этап в выучке консонантизма. Пример: трёхлетний мальчик-швед не умел произносить *k*, которое заменял через *t*, хотя и умел различать слышимые *k* и *t*. Слово (*per-per*)*kaka* "пряник" произносилось им (*pepper*)*tata*. Но после сознательных попыток и упражнений ему удалось наконец произнести *kaka*, и это первое слово, в котором им была произнесена его новая произносительная фонема — *k*, вызвало у него живейшую радость. После этого, когда, следовательно, был уже достигнут данный навык, звук *k* стал им употребляться (вместо прежнего *t*) и в других словах — где нужно было. Дефект, т.о., оказался временным.

Но допустим, что такой дефект будет не изжит, а, наоборот, поддержан сверстниками. Допустим, что сверстники будут даже подражать непроизнесению *k*. Естественно, что при отсутствии навыка заднеязычной работы данные звуки (*k*, *g* и пр.) будут заменяться не просто нулём, а какой-либо другой работой. В приведённом примере у мальчика-шведа такой заменой служило *t*. Но ясно, что конвергенция $k \times t > t$ не может быть разделена сверстниками как сопряжённая с утратой одного из важнейших звуко различений ($t - k$). Другое дело, если неувоивание *k* заменяется особой (новой для данной системы) фонемой, какой в Касимовском явилось ? (гортанный смычный

можно считать новшеством данного консонантизма, т. к. ϵ и ξ арабских слов могут быть игнорируемы в вопросе об усвоении родного консонантизма татарскими *детьми*). И на эту замену могли пойти и недефективные сверстники дефективных индивидуумов, — вот почему, в частности: $ʔ$ по сравнению с заднеязычной смычкой является экономией произносительной энергии (то, что гортанный взрыв требует меньше произносительной энергии, чем заднеязычный, физиологически довольно ясно). Таким образом, переход $k > ʔ$ ($g > ʔ$ и пр.) совпадает по направлению с общей, общезвонетической и исторически-типичной тенденцией к минимализации произносительных затрат энергии — в эволюции звукового состава языков. Это обстоятельство позволяет уже не считать неизменным условием для перехода ($k > ʔ$) преобладание процента дефективных (т.е. не усвоивших k) детей данного поколения над процентом недефективных (для которых k, g не составляли трудностей). Дефективных могло быть менее 50% (вполне невозможно, чтобы этот именно дефект был общим явлением, каким бывает, напр., детская картавость — неумение произносить r, r'), их, вероятно (гипотезирую, конечно), было несколько человек. Но подражать им было легче (т.е. требовало меньших затрат произносительной энергии), чем подражать старшему поколению, т.е. произносить заднеязычные. Вот те обстоятельства, при которых данный переход может казаться мотивированным. Подражание неумевшим произносить k (хотя бы и полное подражание — во всём составе словаря) отнюдь не означало *приобре-*

тения их неуменья произносить *k*. Потому, поскольку из постороннего (напр., казанского) источника бывали услышаны опять формы с *k* (и другими заднеязычными), эти заднеязычные могли вводиться заново в Касимовский словарь. Этим, понятно, можно объяснить дублиеты с *k* | ^ʔ и т. п. Но, однако, приобретение данного слова из чужого (казанского?) источника отнюдь не делает обязательным проникновение в этом слове чужого (казанского) *k*: хотя касимовцы и умеют произнести это *k*, слово может всё же быть “фонетически переведено” на диалект, т.е. получить касимовскую огласовку с ^ʔ вместо *k*. Положим, что экономические условия при языковом обмене с другими татарами содействовали фиксации заднеязычных в числительных, – см. числительные *passim* –, но в общем рецепт звуковой подстановки (т. е. знание соответствия: чужое *k, g* || своё ^ʔ) вполне живущ, поскольку осознано противоположение своего диалекта стандартному татарскому. В этом удостоверяют, между прочим, такие (вполне свободные) высказывания объекта: “по-казански *qıwz* — по-нашему ^ʔ*wz*, по-казански *qıwıq* — по-нашему ^ʔ*wıʔ*” и т.д. Таким образом может быть создано новое касимовское слово даже из русских слов: *staʔan* из *стакан*.

При этом, конечно, о фонетическом современном действии закона *k* > ^ʔ не может быть речи: это уже закон словаря, а не фонетики (потому, конечно, факт наличия в каком-либо слове звука *k* следует объяснять не фонетическими условиями, а историей данного слова на Касимовской почве). Таким вот образом и совершился, предполагаю, в Касимовском этот ред-

чайший процесс — несмотря на обратное давление среды (в которой дефективных было, очевидно, меньшинство по сравнению с умевшими произносить k — в том поколении, при котором совершилось изменение), — совершился благодаря физиологическим условиям — экономии произносительной энергии при $k > ?$. Эта экономия делает живучим и рецепт подстановки $k || ?$ (и пр.): раз возможен выбор между $k\epsilon r$ и $?\epsilon r$, выбирается скорее $?\epsilon r$, чем $k\epsilon r$, как требующее меньшей физиологической работы.

Приведённое объяснение нуждается, однако, в оговорке ещё одной детали: спорадического случая $?$ в м. t в *kumna[?]a* “комната” (Locat. *kumna[?]ada*, Ablativ. *kumna[?]adan*). Так как значение слова (комната — Nom. loci) позволяет базироваться именно на формах Loc. и Abl., то $t > ?$ в **kumnatada*, **kumnatadan* можно объяснить наличием слогов с 3-мя ($n t d$) и даже 4-мя (в Abl. $n t d n$) переднеязычно-смычными один за другим. А так как такая диссимиляция в таких условиях (Fern-dissimilation) ведёт к появлению простейшего (по затрате энергии) звука на месте диссимилируемого, то естественно выбирается легчайший из смычных (и вполне обычный внутри слова) — гортанный смычный $?$.

Наркани Хан
Институт Востоковедения в Москве.

Серия турецких языков.

Выпуск I.

Профессор Э. Д. Поливанов.

Фонетические особенности
Касимовского диалекта.

Экскури: I. Переход заузунных в галзу
с общ-фонетической точки зрения.

II. Китайское соответствие к
индо-европ. *medh₂ || гринк. mesi
< meti „мед“.

Москва. 1923.

Предполагается дальнейшие выпуски Турецкой Серии:

II. Проф. Поливанов. Узбекские диалекты.

III. Его же. Проблема латинского алфавита в турецких
письменностях (по поводу новой якутской графики,
азербайджанского «jeŋi jof» и алфавита, санкциониро-
ванного 2-м Всесоюзным Узбекским Работниками Проведения)

Печатается: по инициативе автора. Лекции по японской фонетике.
Фонетическая и морфологическая характеристика китайского языка.

Литература

Андронов А.В. Ускользящие следы Е.Д.Поливанова / А.В.Андронов // XIII Поливановские чтения: материалы международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – С.7–15.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию / Е.Д.Поливанов. – М.: Наука, 1991. – С.589–620.

Шулежкова С.Г. "...Моё скромное имя стало символом здравого смысла" / С.Г.Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2005. – №15. – С.136–140.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика

Международная конференция
(VIII Бодуэновские чтения)

Казанский федеральный университет
17–20 ноября 2021 г.

Труды и материалы
Том 2

J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics

International Conference

Kazan Federal University
November, 17–20, 2021

Proceedings
Volume 2

Казань – 2021

УДК 80/82
ББК 80/83
Б75

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
"Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2014–2022 годы"
по заказу ГАОУ ДПО "Институт развития
образования Республики Татарстан"
(договор № 606 от 9 ноября 2021 г.)*

Под общей редакцией
*Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец,
Э.А.Исламовой*

Б75 И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец, Э.А.Исламовой.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021.– Т.2.– 280 с.

ISBN 978-5-00130-548-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-546-0

Во второй том трудов и материалов Международной конференции "И.А.Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика" включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на секции: "Теоретико-методологические постулаты Казанской лингвистической школы. Лексическая и фразеологическая семантика", "Научное наследие Заслуженного профессора Казанского университета Э.А.Балалыкиной", "Актуальные вопросы тюркологии и лингводидактики", "Сопоставительная филология и полилингвизм".

УДК 80/82
ББК 80/83

ISBN 978-5-00130-548-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-546-0

© Казанский федеральный университет, 2021